

А. В. Кубасов
Екатеринбург, Россия

СОЦЯЗ В ТЕКСТЕ М. М. ЖВАНЕЦКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

АННОТАЦИЯ. Проблема советского человека, который являет собой определенный социально-культурный и социально-психологический тип (*homo soveticus*), находится в перекрестье различных научных отраслей — лингвистики, культурологии, литературоведения, социальной психологии. Понятие «соцяз» отличается от понятия «социалистический дискурс» культурологическими коннотациями, так как построено по модели известного термина «соц-арт». Соцяз присущ в первую очередь художественным произведениям, некоторые из которых по прошествии времени проявляют свой «диагностический характер», позволяя раскрыть ментальные особенности советского человека. Монолог М. М. Жванецкого «Алло, вы меня вызывали?» строится в форме разговора по телефону. Пропущенные ответные реплики легко восстанавливаются читателем/слушателем, так что монолог является фактически редуцированным диалогом. В монологе раскрываются такие ментальные особенности советского человека, как ответственность и страх, в их гипертрофированной форме. Серьезным аспектом смешного произведения является виктимизация обывателя и поддержка этого личностного самоощущения со стороны власти. Находят отражение в тексте некоторые черты советского коллективного бессознательного: убеждение, что власти нельзя лгать, что власть знает о человеке больше, чем он сам о себе. Скрытой движущей силой поступков героя является страх. Изживание страха человеком и, как следствие, неосознаваемого им сценарного поведения — одна из ключевых проблем монолога Жванецкого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: соцяз; советский менталитет; советский человек; монологи; сатира; литературное творчество, русские писатели; сценарное поведение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Кубасов Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 2, к. 116; e-mail: kubas2002@mail.ru.

В 2011 г. в Принстонском университете прошла конференция «Соцяз: языковые режимы при социализме». Название конференции дало импульс к возникновению нового термина — «соцяз», который призван был «объединить все многообразие языковых режимов, появившихся в странах, прошедших через социалистический эксперимент» [Венявкин 2012: 371]. Понятие «соцяз» не стало пока ни общепризнанным, ни общепринятым. По сути, оно близко по смыслу понятию «социалистический дискурс», однако обладает несколькими отличными от него добавочными значениями. Ассоциативно и по словообразовательной модели «соцяз» связан с устоявшимся искусствоведческим термином «соц-арт», нагруженным определенными коннотациями. Для нас понятие «соцяз» привлекательно содержащейся в нем отсылкой к определенному хронологическому периоду отечественной истории и одновременно к запечатленному в нем советскому опыту. М. М. Жванецкий в своих ранних произведениях играет «соцязом», передавая ментальные особенности советского человека. Этому явлению и посвящена наша статья.

В 1961 г. на XXII съезде КПСС Н. С. Хрущев провозгласил, что сложилась «новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты — советский народ» [XXII съезд КПСС 1962: 153]. Событие антитетического характера произошло через 20 лет, когда Александр Зиновьев выпустил за рубежом книгу «Homo soveticus», заглавие которой со временем автономизировалось и приобрело характер устойчивого выражения (хотя сам Зиновьев в книге отказывается от приорите-

та в создании данного выражения в пользу советологов). Он пишет: «На Западе умные и образованные люди называют нас гомо советикусами. Они гордятся тем, что открыли существование этого типа человека и придумали ему такое красивое название. Причем они употребляют это название в унижительном и презрительном для нас смысле» [Зиновьев 1981: 75]. Кто такой гомо советикус? Зиновьев дает такое определение: «Это человек, порождаемый условиями существования общества коммунистического (социалистического), являющийся носителем принципов жизни этого общества, сохраняющий его внутриколлективные отношения самим своим образом жизни» [Зиновьев 1981: 147].

Наряду с «гомом советикусом», другим пейоративным термином является «совок». В сентябре 2011 г. радио «Свобода» провело дискуссию на тему «Советский человек: 10 отличий от современного». Один из участников ее, Кирилл Алексеев, старший научный сотрудник Третьяковской галереи, высказал, на наш взгляд, точное суждение. Он задался вопросом: «Когда наступает момент, когда в „совка“ превращаются? Когда вся эта идеалистическая подоплека, философия куда-то уходит и остается только оболочка, вот в этот момент они становятся „совками“, советские люди. <...> Это конец 70-х годов, начало 80-х, когда появляется другая образность, другая идейность, уходит идеализм» [Советский человек]. К сказанному стоит добавить, что понятия *Homo soveticus* и совок связаны с явлением объективации (реже самообъективации) советского человека, со взглядом на себя со стороны: с

позиции временной дистанции или пространственной удаленности, которая позволяет увидеть то, что было скрыто от массового сознания, не способного выйти за пределы повседневности. Кроме объективации, актуальна и диагностическая функция названных выражений. Заостряя проблему, можно сказать так, что «совок» — это диагноз социальной болезни, которая, к сожалению, не лечится медикаментозно.

Переосмысление текстов, созданных в советский период российской истории, позволяет по-новому взглянуть как на недавнее прошлое, так и на современность. Александр Архангельский точно заметил, что Жванецкий является создателем «универсальных текстовых матриц, которые можно прилагать к разным обстоятельствам без ущерба для смысла» [Михал Михалыч]. Иначе говоря, произведения писателя, будучи до известной степени «универсальными текстовыми матрицами», обладают потенциями жанра притчи, а значит, содержат нечто такое, что со временем не устаревает.

Некоторые монологи М. М. Жванецкого являются фактически скрытыми диалогами с опущенными репликами собеседников, которые легко восстанавливаются слушателем. Текст их как бы двоится: есть «данное», отталкиваясь от которого, автор задает вектор для ассоциаций слушателей-читателей, мысленно воссоздающих «новое», подразумеваемое, рождающееся как следствие.

Обратимся к монологу, который называется «Алло, вы меня вызывали?..». Здесь рассматривается такая личностная особенность homo soveticus, как смесь ответственности и страха в гипертрофированной форме. Советского человека может потянуть к ответу множество государственных учреждений, которые носят репрессивный характер. Это не только милиция, армия, суд, но даже кожно-венерологический диспансер. Тотальная виктимизация обывателей и поддержка этого личностного самоощущения со стороны власти — вот серьезный аспект смешного монолога Жванецкого. Фабула его проста. Некто Чижиков вернулся из командировки, соседи ему говорят, что во время его отсутствия ему приходила какая-то повестка. Будучи человеком по духу советским, а следовательно, ответственным и боязливым, Чижиков не может отнестись к этому факту безразлично и пытается угадать, откуда приходила повестка. Он звонит сначала в милицию, потом в военкомат, затем в суд, далее в «компетентные органы», наконец, в кожно-венерологический диспансер и, завершая круг, снова в милицию. Нигде никто ничего толком не может ему сказать.

В относительно недавней публикации «Новой газеты» можно прочитать следующее: «В России писанные и неписанные законы постоянно конкурируют друг с другом. Но если писанным законам посвящены десятки томов юридических исследований, то неписанные законы остаются в тени, в прямом и переносном смысле этого слова. Подлинная жизнь строится не на основе законов, а на основе „понятий“». Статья 7 этой «понятийной» конституции гласит: «Слабые могут быть привлечены к ответственности за преступления, которые они совершили, за преступления, которые совершили сильные, и даже за преступления, которые вообще никто не совершал» [Пастухов 2012: 24]. То, о чем в саркастическом тоне пишет газета, во время создания Жванецким монолога можно было выразить только имплицитно, оговорочно, с помощью эвфемизации. Экзистенциальный опыт подсказывает нам, что рефлекс советской ментальности остались и живут внутри нас, лишь мимикрируя и видоизменяясь. В сознании россиянина по-прежнему нет уверенности в том, что презумпция его невиновности будет соблюдена. Современные многочисленные чижиковы смутно догадываются, что, с точки зрения государства, они в любой момент могут стать если и не преступниками, то «уклонистами» или нарушителями невидимой и таинственной границы допустимого.

Проблему монолога можно сформулировать как взаимоотношение советского человека с институтами власти. Сознанию Чижикова довлеют сложившиеся стереотипы. Его речевые поступки предопределены «советским коллективным бессознательным». Герой знает, что любые властные институты могут заинтересоваться им, при этом причина этой заинтересованности недоступна его сознанию и выше его понимания. Сначала он обращается в милицию: «Алло?.. Это милиция?.. Скажите вы меня не вызывали?.. Я вернулся из командировки, а соседи говорят, кто-то приходил с повесткой меня куда-то вызывают... Чижиков Игорь Семенович, Лесная, 5, кв. 18... Я не знаю, по какому делу... Нет, я не в магазине... Нет, не блондин... 33... Я на всякий случай. Вдруг вы... Не вызывали... Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кого-нибудь оклеветал?.. Может, вы знаете?.. Нет, пока ничего. Значит, вы не вызывали?.. Извините за беспокойство, ой. (Вздыхает.)» [Жванецкий 1986: 16]. Homo soveticus убежден в том, что власть знает о нем больше, чем он сам о себе. При этом абсурд не воспринимается им как абсурд: «Может, ограбление?.. Я-то нет... Но мало ли... Может, кого-нибудь

оклеветал?..» Обратим внимание на анафорическое начало фраз, начинающихся со слова «может». Они передают модальность возможности. Одна из особенностей советского миропонимания заключается в такой онтологической трактовке бытия, когда невозможное возможно и нереальное может в любой момент обернуться реальностью.

Вторая инстанция, куда обращается Чижиков, — военкомат. Здесь усиливается мотив незнания человеком самого себя по сравнению с всеведением институтов власти. Абсурд жизни возводится в более высокую степень. Усиливается и самоуничтожение героя: «Может, я уклоняюсь или не явился раньше. Мало ли что... <...> Проверьте, пожалуйста, может, что-нибудь не так... Может, я чего-нибудь не знаю. Может, вы знаете... Ну, может, допустил чего-нибудь... Нет. Значит, вы не вызывали?..» [Жванецкий 1986: 17].

Звонок в суд тоже оказывается нерезультативным. Как и в милиции, там ему задают тот же абсурдный вопрос про цвет волос: «Нет, не блондин... С кем связаться?.. И кого спросить?.. А от кого сказать?..» [Жванецкий 1986: 17].

Речи советского человека присуща эфемистичность и недоговоренность. Следует этой речевой стратегии и сам автор, рассчитывая на понимание слушателя/читателя. После неудачи в суде товарищ Чижиков звонит в некое неназванное заведение через коммутатор и называет добавочный номер. Ясно, что герой адресуется в самые компетентные органы, которые должны знать и знают о человеке всё, вплоть до размера его обуви: «Алло... 253 добавочный... Николай Петровича, пожалуйста... Николай Петрович, это Чижиков от Потапова... Я по вопросу вызова в суд... И. С. Он просил меня к вам обратиться... Просто так, явиться и все?.. Завтра?.. А у меня же нет на руках повестки... Пустяки... А в какую комнату это сделать?.. Я же не знаю, по какому делу... Поэтому я и звоню... Вы не подскажете?.. Не блондин, 167, сороковой, глаза голубые, 33... Я не морочу голову. Была повестка... Я не знаю, может, вы знаете?.. Может, мне все-таки прийти?.. Пока не надо. Но вы будете меня иметь в виду?.. Спасибо, извините».

Известные органы, как и все тоталитарные институты, работают с открытым входом, но без возможности выхода: в их «святых местах» можно прийти и без повестки. Очевидно, что находящийся на другом конце провода Николай Петрович воспринимает «Чижикова от Потапова» как сознательного гражданина, то бишь стукача, который хочет рассказать тому, кому следует, о чем-то, а

если говорить прямо — сделать донос. Обратим внимание на аграмматизм в речи героя, который косвенно передает авторское отношение к доносительству: «А в какую комнату это сделать?» Показательно и то, что, представляясь, герой именуется не по имени и отчеству, а лишь называет свои инициалы. Причину этого можно объяснить тем, что у Чижикова нет самоощущения личности. Возможна и другая мотивировка: инициальная форма самопрезентации героя базируется на пресуппозиции, что в органах знают всё обо всех, и если уж им известен размер его обуви, то тем паче известны имя и отчество.

Еще одно свойство советского коллективного бессознательного зиждется на убеждении, что *власти нельзя лгать*. Основа этого глубоко укоренного воззрения заключается в понимании власти как чего-то патерналистского, сакрального и вместе с тем репрессивного. Поэтому Чижиков об интимных вещах говорит легко и свободно, как на исповеди: «Алло, это диспансер?.. А это Чижиков говорит. Вы меня не разыскиваете?.. Я не укрывался, но может, вы меня разыскиваете? И. С. Лесная, 5, кв. 18... По этому адресу и прописан... Я понимаю, что меня нечего искать, но может, вы меня не можете найти. Может, вы не так ищите... Не, девушка, этим я не занимаюсь... Нет, вы трубку не бросайте. Вы проверьте, повестка была... Это не шутка... Чувствую себя хорошо... Я-то не подозреваю. Может, вы?.. В последний раз?.. Месяца два назад... Нет, не жаловалась. Хорошо знаю. Мы вместе работаем... Нет. Ничего... По утрам? Прозрачная?.. Сейчас посмотрю, подождите, пожалуйста... Алло, прозрачная... Я посмотрел... Два месяца назад... Не случайная... Работаем. Бок о бок... Может, кто-нибудь заявлял... Я-то ни с кем, но, может, кто-нибудь заявлял... Куда позвонить?.. В милицию... Сказать, от вас?..» [Жванецкий 1986: 17].

Завершается монолог повторным обращением в милицию. Композиция монолога отражает такую онтологическую особенность советского бытия, как его циклическая замкнутость. Монолог строится в форме рондо. Это вечное движение, бег по кругу, который в конечном итоге оказывается бегом на месте.

Особенностью анализируемого текста является его разнообразно представленная эллиптичность. Есть завязка, но элиминированы кульминация и развязка. Так как в данном монологе пропущены ответные реплики собеседников героя, то наиболее частотными оказываются межфразовые эллипсисы. Ю. И. Левин, используя материал романа

Набокова «Дар», писал, что такого рода эллипсисы представляют собой «пропуски узально требуемых кусков повествования, в результате чего возникает резкий стык двух повествовательных звеньев и читательское ощущение неожиданности и не(до)мотивированности второго звена. Прагматика этого приема состоит в том, что у читателя предполагаются узально не предполагаемые знания о ситуации (в частности, о внутреннем мире персонажа), т. е. имеет место презумпция включенности читателя в пространство романа (в частности, в сознание персонажа)» [Левин 1998: 314]. Созданная средствами эллипсиса «презумпция включенности читателя» в пространство монолога и в сознание героя Жванецкого способствует возникновению у публики катарсического смеха, выдавливанию из себя хотя бы маленькой капли раба.

В монологе есть две реалии советской действительности, которым герой придает почти сакральный характер — телефон и повестка. Сакральность их укоренена в культурной памяти народа. Еще недавно телефон, или «вертушка», мог повернуть судьбу человека в любое русло. Приведем пример из мемуаров известного карикатуриста Бориса Ефимова: «Это товарищ Ефимов? Ждите у телефона. С вами будет говорить товарищ Сталин. Я встал (ноги сами меня подняли). После довольно продолжительной паузы и легкого покашливания в трубке послышался глуховатый голос, который я слышал не раз» [Ефимов]. «Ноги сами подняли» человека, разговаривающего с земным богом. Здесь приведен пример того, что можно назвать вертикальной коммуникацией. Есть власть, которую, как Господа Бога, нельзя лицезреть, но можно слышать. Подобно тому, как замысел Бога относительно человека недоступен его пониманию, так и замысел власти не дано постичь человеку. Жванецкий дает инверсивную ситуацию, в сравнении с той, о которой пишет Борис Ефимов, — не власть снисходит до человека, а сам человек обращается к обожествляемой им власти, готовый принять ее решение относительно себя, независимо от характера замысла и сути этого решения.

Совершенно очевидно, что движущей силой, заставляющей человека обзванивать советские учреждения или вставить при разговоре по телефону, является страх. Он является подлинной пружиной сценарного поведения и литературного персонажа, и реального человека. Изживание человеком страха и, как следствие, неосознаваемого им сценарного поведения — одна из ключевых проблем монолога Жванецкого.

Остановимся на двух антропонимах в

монологе. Литературная генеалогия фамилии «Чижиков» разнородна. Вспоминается прежде всего фольклорный чижик-пыжик. Георгий Иванов в своих мемуарах приводит строчки из банального стихотворения начала XX в.: «Словно *грустный чижик в клетке*, / Я сижу один...» [Иванов 1992: 134]. Чижик, как и канарейка, — устоявшие приметы мещанского быта. Вероятно, имеет место и скрытое противопоставление Чижикова таким «птичьим» фамилиям, как Орлов или Соколов, обладающих другим ассоциативным потенциалом. Чижиков — фамилия, подходящая для номинации массового человека. Другие ассоциации вызывает фамилия «Потапов», которой обозначен работник суда. (Замечу в скобках, что известный художник и замечательный иллюстратор В. А. Чижиков дал эмблеме Олимпийских игр, проходивших в 1980 г., фольклорную номинацию «Михайло *Потыпыч* Топтыгин»). Фамилия судьи «Потапов» отсылает читателя не только к фольклорному медведю. Кроме того, по принципу омофонической переключки она связана с понятием «топтун», которое словарь синонимов встраивает в следующий ряд: *фулёр, леговый, сыщик*. Следовательно, ономастикон монолога Жванецкого содержит и фольклорные коннотации, и советские.

Н. А. Купина определяет советизм в широком понимании «как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит наведенные идеологической и социальной средой коннотативные приращения или культурные ограничители» [Купина 2009а: 40]. Чижиков — обычный человек, его сознанию чужды слова и выражения, употребляемые советской номенклатурой. Но все-таки и в его сознании проявляется «советский идеологический код», обусловленный «идеологической и социальной средой» и отраженный в советизмах, предстающих в форме клише: «Но вы будете иметь меня в виду?»; «Кого спросить? И от кого сказать?»; «Я по вопросу вызова...». Советскость Чижикова связана прежде всего с поведением героя, с его бессознательным следованием определенным идеологемам. Одна из них — это бдительность, которую можно определить как элемент идеологической системы, соответствующий определенной политической прагматике. Парадоксальность ситуации заключается в том, что бдительность Чижикова направлена не вовне, а на самого себя. Это, так сказать, высшая форма бдительности. Ее отражением является советская идиома, которая могла бы стать эпи-

графом к монологу: «Лучше перебдеть, чем недобдеть». Поисковая система *Google* на современный запрос об этом выражении выдает около семидесяти вариантов его употребления. Значит, можно сделать вывод, что россияне по-прежнему сохраняют бдительность по отношению к самим себе.

Повторю сказанные ранее слова Кирилла Алексея про момент превращения людей в совков. Это происходит тогда, когда «идеалистическая подоплека, философия куда-то уходит и остается только оболочка». Подмена внутреннего содержания «советскости» ее оболочкой проявляется в десемантизации речи. Она ритуализируется и выхолащивается. Во всех госучреждениях, несмотря на их очевидные различия, Чижикова спрашивают об одном и том же, в том числе про то, не блондин ли он. Это не только смешно, но и абсурдно. Однако высшая логика заключается именно в отсутствии логики, это абсурдистская антилогика государства, с которой не поспоришь и которая находится вне сферы влияния человека. Ему остается только определиться со своей реакцией на нее. Для Чижикова это реакция оптимистического приятия абсурда окружающей его действительности в духе бравого солдата Швейка.

Современным вариантом Чижикова можно признать карикатурный образ Петровича. Это главный персонаж рисунков известного карикатуриста Андрея Бильжо. По поводу этого героя Александр Кабаков сказал как-то: «Петрович — страшное и великое дитя доктора Бильжо — останется в веках. ...Он просто вся Россия, великая и ничтожная, смешная и страшная, родная до боли и омерзительная до кровавой рвоты. Все мы Петровичи, каждый ровно настолько, насколько он это в себе допускает или даже культивирует: жизнерадостный жлоб и мудрец, дефективный резонёр и насмешник. Петрович — это Петрович. А кто не Петро-

вич, того и нет вовсе» [Бильжо]. Нам только кажется, что все «советское» и «советскость» безвозвратно канули в прошлое. Ментальные рефлекссы нашего недавнего прошлого благополучно остались и живут внутри нас. Поэтому вопрос гоголевского героя: «Над кем смеетесь?» — и следующий за ним ответ по-прежнему остаются в силе. Варьируя слова Александра Кабакова, можно сказать, что все мы в той или иной мере Чижиковы. А кто не Чижиков, того и нет вовсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский А. Михал Михалыч. Писатель Жванецкий: искусство сохранять актуальность. URL: http://www.jvanetsky.ru/data/text/pi/archangelsky_about_mm.
2. Бильжо Андрей. «Итого». URL: <http://besttoday.ru/posters/556.html>.
3. Венявкин И. Международная конференция «Союз: языковые режимы при социализме» // Новое лит. обозрение. 2012. № 1 (113). С. 371—376.
4. Ефимов Б. О временах и людях. URL: <http://1001.ru/books/efimov/issue58>.
5. Жванецкий Михаил. Светлые проблемы темной личности // Время и мы. 1986. № 89. С. 5—31.
6. Иванов Г. Мемуары и рассказы / сост. В. Крейд. — М.: Прогресс — Литера, 1992.
7. Зиновьев А. В. Гомо советикус. URL: <http://zinoviev.org/files/zinoviev-homo-sovieticus.pdf>.
8. Купина Н. А. Советизмы: к определению понятия // Политическая лингвистика. 2009а. Вып. 2 (28). С. 35—40.
9. Купина Н. А. Динамика идеологического фонда русского языка: актуальные тенденции // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. ВГПУ. — Волгоград: Перемена, 2009. С. 158—168.
10. Левин Ю. И. О «Даре» // Избранные труды. Поэтика. Семиотика / Ю. И. Левин. — М.: Языки русской культуры, 1998.
11. Пастухов В. Основные понятия Российской Федерации // Новая газета. 2012. № 49 (1897). 4 мая. С. 24.
12. Русский язык и советское общество (социолитературное исследование): лексика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1968. 186 с.
13. Советский человек: 10 отличий от современного. 2011. 9 сент. URL: <http://www.svoboda.org/content/feature/24323622.html>.
14. XXII съезд КПСС (17—31 окт. 1961 г.): стенографический отчет. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1962.
15. Чудакова М. Советский лексикон в романе «Мастер и Маргарита» // Новые работы. 2003—2006. — М.: Время, 2007. С. 234—348.

A. V. Kubasov
Ekaterinburg, Russia

SOCIALIST LANGUAGE IN M. M. ZHVANETSKY'S TEXT AS A REFLECTION OF SOVIET PERSON'S MENTALITY

ABSTRACT. *The Soviet person, who is a certain socio-cultural and socio-psychological type (the so-called homo soveticus), is of interest for Linguistics, Cultural Studies, Literary Studies and Social Psychology. The concept of "socialist language" ("sots language") differs from the concept "socialist discourse" by its cultural connotations, as it is coined on the analogy with the wide-spread term "sots art" (short for "socialistic art"). Sots language is typical of fiction; some pieces reveal their "diagnostic nature" in the course of time and disclose the mentality of Soviets. M.M. Zhvanetsky's monologue "Hello, did you call on me?" imitates a conversation on the phone. The missing replies are easily guessed by the audience, so this monologue is in fact a reduced dialogue. The monologue reveals such features of mentality of Soviets as responsibility and fear in their exaggerated form. Serious aspect of this funny piece of work is victimization of an ordinary man and support of this self-perception by the government. Some features of the Soviet collective and unconscious are found in the text: the belief that no one may lie to the authorities, the belief that the authorities know more about every citizen than the citizen himself. The inner motivation for the character is fear. The attempt to get rid of the fear, and consequently, the script behavior, is one of the key elements of Zhvanetsky's monologue.*

KEYWORDS: *sots language; socialist language; Soviet mentality; the Soviet; monologue; satire; writing; literature; Russian writers; script behavior.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kubasov Aleksandr Vasilievich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theory and Methods of Teaching Disabled People, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*

REFERENCES

1. Arkhangel'skiy A. Mikhail Mikhailych. Pisatel' Zhvanetskiy: iskusstvo sokhranyat' aktual'nost'. URL: http://www.jvanetsky.ru/data/text/pi/archangelsky_about_mm.
2. Bil'zho Andrey. «Itogo». URL: <http://besttoday.ru/posters/556.html>.
3. Venyavkin I. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Sotsyaz: yazykovye rezhimy pri sotsializme» // Novoe lit. obozrenie. 2012. № 1 (113). S. 371—376.
4. Efimov B. O vremenakh i lyudyakh. URL: <http://1001.ru/books/efimov/issue58>.
5. Zhvanetskiy Mikhail. Svetlye problemy temnoy lichnosti // Vremya i my. 1986. № 89. S. 5—31.
6. Ivanov G. Memuary i rasskazy / sost. V. Kreyd. — M. : Progress — Litera, 1992.
7. Zinov'ev A. V. Gomo soveticus. URL: <http://zinoviev.org/files/zinoviev-homo-soveticus.pdf>.
8. Kupina N. A. Sovetizmy: k opredeleniyu ponyatiya // Politicheskaya lingvistika. 2009a. Vyp. 2 (28). S. 35—40.
9. Kupina N. A. Dinamika ideologicheskogo fonda russkogo yazyka: aktual'nye tendentsii // Sovremennaya politicheskaya lingvistika: problemy, kontseptsii, perspektivy : sb. nauch. tr. VGPU. — Volgograd : Peremena, 2009. S. 158—168.
10. Levin Yu. I. O «Dare» // Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika / Yu. I. Levin. — M. : Yazyki russkoy kultury, 1998.
11. Pastukhov V. Osnovnye ponyatiya Rossiyskoy Federatsii // Novaya gazeta. 2012. № 49 (1897). 4 maya. C. 24.
12. Russkiy yazyk i sovetskoe obshchestvo (sotsiolingvisticheskoe issledovanie): leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. — M. : Nauka, 1968. 186 s.
13. Sovetskiy chelovek: 10 otlichiy ot sovremennogo. 2011. 9 sent. URL: <http://www.svoboda.org/content/feature/24323622.html>.
14. XXII s"ezd KPSS (17—31 okt. 1961 g.) : stenograficheskiy otchet. T. 1. — M. : Gospolitizdat, 1962.
15. Chudakova M. Sovetskiy leksikon v romane «Master i Margarita» // Novye raboty. 2003—2006. — M. : Vremya, 2007. S. 234—348.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. О. А. Михайлова.